

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР В ОТНОШЕНИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мина Поштитч

В современном мире энергетическая проблематика все более активно влияет на развитие политических процессов как на глобальном, так и на региональном уровне. С одной стороны, энергетический фактор становится важным аспектом внешней политики целого ряда стран, а с другой, начинает оказывать влияние на формирование политической и экономической обстановки в некоторых регионах мира. Эта тенденция в полной мере характерна для Китайской Народной Республики и региона Центральной Азии. Начиная с конца 1990-х гг. центральноазиатский регион приобретает для Китая стратегическое значение, как с экономической, так и с геополитической точки зрения. Это обусловлено целым рядом факторов, в том числе и стремительным экономическим развитием Китая, которое в силу экстенсивного развития экономики и нехватки собственных природных ресурсов превратило Китай в нетто-импортера энергоносителей. При этом уровень технологического развития Китая не позволяет ему существенно снизить потребление энергии за счет внедрения новых энергосберегающих технологий, поэтому единственный способ решения проблемы заключается в повышении импорта энергоресурсов. Это и предопределило растущий интерес КНР к странам Центральной Азии и активизацию его внешней политики в данном регионе, а также превращение стран Центральной Азии в «естественных» энергетических партнеров КНР. Таким образом, в последние годы, одновременно с ростом значения региона Центральной Азии во внешнеполитической стратегии КНР можно наблюдать «экономизацию» внешней политики Китая в отношении данного

региона (упор Китая на экономическое сотрудничество и попытки решать свои политические задачи с помощью экономических методов). В рамках данной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии Пекин уделяет особое внимание энергетическому аспекту, поскольку получение доступа к сравнительно дешевым центральноазиатским ресурсам является одним из приоритетных интересов КНР в отношении рассматриваемого региона и непосредственно связано с задачей обеспечения собственной энергетической безопасности.

Энергетическая стратегия Китая тесно связана с вопросами обеспечения энергетической безопасности страны. Как известно, с 1993 г. Китай стал нетто-импортером нефти, а в 2003 г. Китай вышел на второе место в мире (после США) по потреблению нефти и нефтепродуктов¹, и по оценкам к 2020 г. зависимость КНР от поставок нефти составит 60%. В то же время Китай на 30% зависит от импорта природного газа². Растущая зависимость Китая от импорта энергоресурсов (в первую очередь нефти и газа) связана не

¹ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред. – сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 681,701. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. – М.: МГИМО, 2007. – С. 681,701].

² Ma, Damien. China's Search for A New Energy Strategy / Damien Ma // Foreign Affairs. – 2013. – V.92. – No 3. – Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139425/damien-ma/chinas-search-for-a-new-energy-strategy>.

только с ростом ВВП и стремительным развитием промышленности, но и с изменением структуры энергопотребления. В частности, в последние годы Китай постепенно отходит от упора на уголь в структуре энергетики и пытается произвести частичное замещение каменного угля и сырой нефти более перспективными энергоносителями – природным газом и альтернативными источниками энергии. При этом на настоящий момент оба этих вида энергоносителей занимают достаточно скромное место в структуре энергопотребления КНР, в частности, на природный газ приходится 3% потребления первичной энергии, а на альтернативные источники энергии приходится менее 2% в структуре энергопотребления страны³. К тому же, в Китае замедляются темпы добычи собственной нефти. В частности, крупнейшие нефтяные месторождения, такие как Дацин, Шэнли, Ляохэ, Чанцин, Цзилинь и Даган в значительной степени истощены, разработка «остаточных» нефтяных пластов требует больших капиталовложений и внедрения в разработку новых дорогостоящих технологий. К другим факторам, которые определяют дальнейший рост потребления энергоресурсов и рост зависимости КНР от их импорта китайские эксперты⁴ относят рост жизненного уровня населения, поскольку по мере роста ВВП на душу населения резко увеличивается потребление энергии и энергоресурсов; растущую автомобилизацию страны, которая влечет за собой рост спроса на бензин и дизельное топливо; урбанизацию,

поскольку стремительный рост городского и дорожного строительства неминуемо влечет за собой рост потребления энергоресурсов.

Что касается собственно энергетической стратегии Китая, то следует отметить, что он придерживается «стратегического подхода» к вопросам нефтегазовой политики. Это означает, что обеспечение страны нефтяными и газовыми ресурсами рассматривается в первую очередь в ключе обеспечения национальной безопасности. Поэтому энергетическая политика и интересы КНР в энергетической сфере обеспечиваются комплексом внешнеполитических, дипломатических, военных и экономических мер, причем упор делается именно на внешнеполитические меры. Данный подход к энергетической политике проявляется в целом ряде конкретных мер, в частности в жестком государственном контроле над всем комплексом разведки, добычи, транспортировки, переработки и сбыта нефти и нефтепродуктов внутри страны, а также в строгой регламентации участия в этом процессе зарубежных нефтяных корпораций, которая касается уставного капитала крупнейших нефтяных компаний страны, условий лицензирования разведки и добычи нефти на территории Китая, привлечения иностранного капитала, реализации крупных инвестиционных проектов в сфере нефтедобычи и др. К тому же, «стратегический подход» к энергетической политике проявляется также в очевидной геополитической подоплеке крупномасштабных проектов с участием китайского капитала по добыче и транспортировке энергоресурсов в ряде стран, богатых энергоресурсами⁵.

Говоря об энергетической стратегии КНР следует также упомянуть ряд стратегических задач, которые страна ставит перед собой в области обеспечения энергетической безопасности. Во-первых, Китай стре-

³ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 721–723. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S.721-723].

⁴ Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 62–64. [Fan Tintin. Energeticheskaiia politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. - Moskva: MAKSS Press, 2012. - S. 62-64].

⁵ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 681–683. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnyh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S. 681-683].

мится не допустить утраты способности к самообеспечению энергетическими ресурсами и попадания в чрезмерную зависимость от международной рыночной конъюнктуры. Эта задача является частью стратегии «опоры на собственные силы» и подразумевает усиление геологической разведки и рациональное освоение уже разведанных энергетических ресурсов (в особенности нефти и газа), а также совершенствование структуры потребления энергоресурсов, повышение эффективности добычи и производства нефти для более эффективного обеспечения потребностей внутреннего рынка, повышение энергоэффективности и усиление экономии энергии и рационального использования энергоресурсов, внедрение новых энергосберегающих технологий, совершенствование структуры производства. Во-вторых, КНР работает в направлении создания дополнительных энергетических резервов, необходимых для поддержания высоких темпов экономического роста. Эта задача подразумевает создание стратегических нефтяных и газовых запасов, проведение стратегического энергетического планирования, привлечение капитала, инвестиций и технологий извне для улучшения качества разработки имеющихся месторождений и ряд других мер. В-третьих, Китай стремится обеспечить гарантии реализации своих национальных интересов и укрепления своих позиций на мировом энергетическом рынке. Данная задача подразумевает проведение дальнейшей реструктуризации и интернационализации крупных государственных нефтегазовых предприятий таким образом, чтобы повысить их конкурентоспособность на международных рынках, а также создание благоприятных условий для деятельности китайских нефтегазовых корпораций в других странах (в первую очередь странах Африки, Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока). Исходя из поставленных задач, Китай следующим образом определяет основные направления своей энергетической стратегии⁶:

– создание стратегических нефтяных запасов (создание пяти «стратегических энергетических баз государственного значения» в провинции Шаньси, впадине Эрдос, на востоке Внутренней Монголии, в СУАР и на юго-западе Китая для обеспечения экономики страны энергоресурсами в случае внезапных перебоев внешних поставок);

– повышение эффективности использования энергии (внедрение достижений научно-технического прогресса в производство энергии);

– дальнейшая разведка собственных нефтегазовых месторождений в рамках стратегии по «самообеспечению» энергоресурсами (основной упор делается на ускоренное освоение запасов нефти и газа; существует большой потенциал освоения еще не разведанных запасов угля; гидроресурсы страны используются лишь на 20%);

– энергосбережение и снижение энергопотребления (одно из основных направлений энергетической политики; подразумевает всемерное развитие энергосберегающих технологий и внедрение их в промышленное производство);

– изменение структуры промышленного производства (подразумевает ускоренное развитие высокотехнологичных производств);

– оптимизация структуры потребления энергетики и развитие возобновляемых источников энергии (замена традиционных энергоносителей, таких как уголь и нефть, на возобновляемые источники энергии; рефор-

GB/14029104.html; Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под редакцией А.В. Торкунова, науч. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: МГИМО, 2007. – С. 704; Фан Тинтин. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 71–84, 98–103. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - str.704; Fan Tintin. Energeticheskaiia politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. - Moskva: MAKSS Press, 2012. - S. 71-84, 98-103].

⁶ 中国能源中长期（2030、2050）发展战略研究报告》[«Стратегия развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу (до 2030 и 2050 гг.)»], Китай, 2011. – Режим доступа: <http://scitech.people.com.cn/>

мирование структуры потребления энергии таким образом, чтобы в ней доминировали отрасли новой энергетики);

- поощрение научно-технического прогресса в сфере энергетики (внедрение новых технологий в процесс производства энергии для повышения энергосбережения и эффективности использования энергоресурсов; поощрение фундаментальных исследований в отраслях, тесно связанных с энергетикой; стимулирование инноваций в области технологий обогащения угля, разведки месторождений нефти и пр.);

- диверсификация поставщиков нефти и газа (риски в области безопасности, связанные с импортом нефти и газа из традиционных стран-партнеров, таких как страны Ближнего Востока и Персидского залива, а также чрезмерная зависимость от этих стран, подталкивают Китай к поиску новых партнеров в других регионах, энергетическое сотрудничество с которыми будет связано с меньшими рисками и издержками);

- политика «выхода за рубеж» (одно из ключевых направлений энергетической дипломатии КНР, которое подразумевает не только импорт сырья и энергоресурсов из других стран, но и активное инвестирование в разведку и освоение нефтяных и газовых месторождений за рубежом);

- привлечение иностранных инвестиций (в основном в сферу добычи и переработки китайских энергоресурсов, а также в разработку месторождений на территории КНР);

- улучшение экологической обстановки (декларируется принятие мер по борьбе с изменениями климата и загрязнением окружающей среды, в том числе контроль за выбросами парниковых газов, осуществление строгого экологического контроля за реализацией экологических проектов, совершенствование существующих правовых норм, развитие «низкоуглеродной экономики» и т.д.).

В рамках своей энергетической стратегии Китай рассматривает страны Центральной Азии в качестве важных и перспективных энергетических партнеров, а развитие энергетического сотрудничества с этими странами – в качестве одного из ключевых направлений энергетической политики в отношении данного региона. Важное место,

которое страны Центральной Азии занимают в энергетической стратегии КНР, определяется целым рядом политических и экономических факторов.

Прежде всего, перспективность данного региона как источника энергоресурсов для китайской экономики обусловлена сложившейся международной обстановкой и рядом геополитических рисков, с которыми приходится сталкиваться Китаю в процессе импорта энергоресурсов из других регионов мира. В частности, сюда можно отнести постоянную напряженность на Ближнем Востоке (из которого Китай получает около 40% импортируемой нефти⁷) и доминирование США в данном регионе; географическую удаленность стран Латинской Америки и, как следствие, высокие транзакционные издержки, связанные с импортом нефти и газа из стран этого региона; политическая нестабильность во многих странах Африки (из которых Китай получает около 20% импортируемой нефти), и т.д. Все это предопределило необходимость диверсифицировать поставки энергоресурсов и сделало страны Центральной Азии наиболее «удобными» партнерами в глазах руководства КНР, в первую очередь в силу их геополитического положения (географической близости) и богатых запасов нефти и газа.

Во-вторых, поиск альтернативных маршрутов поставок энергоресурсов также является одной из стратегических целей КНР. Данная задача обусловлена существующей проблемой обеспечения безопасности ключевых морских транспортных маршрутов, и в первую очередь проблемой Малаккского пролива. Малаккский пролив имеет стратегическое геополитическое значение для КНР, поскольку через него осуществляется почти 80% внешней торговли Китая, и свыше 50% импортируемой в Китай нефти проходит именно по этому морскому маршруту. По мнению Китая, в данном регионе существует «дефицит безопасности», поскольку сохраняется угроза военной блокады

⁷ Томберг И. Новые реалии нефтяного рынка и энергетическая политика России / И. Томберг // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 4. – С. 132. [Tomberg I. Novye realii nef'tianogo rynka i energeticheskaja politika Rossii / I. Tomberg // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. - 2004.- № 4. - S. 132].

Малаккского пролива со стороны некоторых государств региона (при поддержке США), а сам Китай не обладает достаточно мощными ВМС для обеспечения своих интересов⁸.

В-третьих, Китай уже имеет партнерские отношения со странами Центральной Азии на достаточно высоком уровне. Китай является ключевым экономическим игроком в регионе (помимо России), и он активно развивает экономическое сотрудничество с центральноазиатскими странами в таких сферах, как торговля, инвестиции, строительство объектов инфраструктуры, предоставление кредитов для экономического развития или реализации совместных проектов. Помимо этого, между странами региона и КНР имеются достаточно стабильные политические отношения, которые характеризуются сравнительно активным сотрудничеством, регулярным обменом визитами на официальном уровне, отсутствием существенных неурегулированных политических проблем, которые бы тормозили развитие отношений (таких, как территориальные споры). Более того, можно утверждать, что между Китаем и странами региона сложилась определенная взаимодополняемость экономических интересов: странам Центральной Азии необходимы китайские инвестиции для разработки своих месторождений нефти и газа, а также для развития соответствующих отраслей экономики; Китаю же нужны новые рынки сбыта для своей продукции, а также новые источники импорта энергоресурсов. К тому же, и КНР, и страны Центральной Азии (за исключением Туркменистана) являются членами Шанхайской организации сотрудничества, которая является важной многосторонней платформой для расширения сотрудничества и многостороннего развития отношений между Китаем и странами региона (в том числе и в области энергетики).

В-четвертых, Центральная Азия представляет собой сравнительно стабильный регион, в котором хоть и сохраняются определенные вызовы безопасности (связанные с деятельностью террористических группировок, непосредственной близостью политиче-

ски нестабильного Афганистана), однако на современном этапе эти факторы не являются серьезным препятствием для конструктивного развития отношений с Китаем. В первую очередь это обусловлено тем, что вышеупомянутые проблемы не носят столь острого характера, как в ряде других регионов мира, а также тем, что между Китаем и странами Центральной Азии существуют достаточно эффективные механизмы сотрудничества и координации усилий для борьбы с угрозами региональной безопасности (как, например, Региональная антитеррористическая структура ШОС). Большое значение имеет и тот факт, что среди представителей политических элит стран Центральной Азии нет открытого враждебного отношения к КНР, и во внешнеполитической риторике этих стран не встречаются открыто антикитайские заявления, в отличие от некоторых стран Восточной Азии и ЮВА.

К тому же, привлекательность центральноазиатских энергоресурсов для Китая определяется также тем, что экономическое и энергетическое сотрудничество с государствами Центральной Азии содействует программе развития северо-западных провинций Китая. Это сотрудничество способно обеспечить новые рабочие места в СУАР, что должно, по мнению китайских властей, способствовать стабилизации обстановки в регионе⁹.

Наконец, развитие энергетического сотрудничества и связей по целому ряду других направлений со странами Центральной Азии лежит в русле стратегии КНР по обеспечению себе мирного окружения. В этом контексте Китай видит расширение своего влияния на страны Центральной Азии в качестве одной из центральных геополитических целей в данном регионе.

Далее хотелось бы непосредственно рассмотреть конкретные аспекты энергетического сотрудничества между КНР и от-

⁸ 中国能源安全与中国北极战略定位 [Энергетическая безопасность и Арктическая стратегия Китая] / 李彤[Ли Син] // Aalborg University. – Denmark, 2010. – Р. 6.

⁹ 范廷廷. Энергетическая политика Китая на современном этапе: монография / МГУ им. М.В. Ломоносова, Фак. мировой политики. – Москва: МАКС Пресс, 2012. – С. 132. [Fan Tintin. Energeticheskaja politika Kitaia na sovremennom etape: monografiia / MGU im. M.V. Lomonosova, Fak. mirovoi politiki. – Moskva: MAKSS Press, 2012. – S. 132].

дельными центральноазиатскими странами, в частности крупнейшие совместные проекты в области энергетики, а также общие моменты и характерные особенности политики КНР в отношении отдельных стран Центральной Азии.

МЕХАНИЗМЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Для продвижения своих интересов в центральноазиатском регионе и для реализации поставленных в энергетической стратегии задач Китай использует целый набор экономических и политических инструментов и механизмов. Во-первых, поскольку Китай заинтересован в получении прямого доступа к энергоресурсам региона, то основной упор делается на «финансовые» инструменты: предоставление льготных кредитов, нередко либо целевых, либо долгосрочных, либо с возможностью оплачивать их экспортом товаров или энергоносителей; заключение межгосударственных долгосрочных контрактов через крупные государственные корпорации; покупка акций ключевых энергетических компаний в странах Центральной Азии (что фактически дает Китаю контроль над энергетическим сектором той или иной страны); приобретение прав на разработку нефтегазовых месторождений. Помимо вышеупомянутых механизмов Китай осуществляет сотрудничество со странами региона через механизмы «энергетической дипломатии», которые Китай применяет и в других регионах мира. Продвижение собственных интересов Китай осуществляет преимущественно посредством трех государственных нефтегазовых корпораций, которые являются основой энергетического сектора КНР и основными механизмами проведения ею своей энергетической политики. К этим трем корпорациям относятся Китайская национальная нефтегазовая корпорация (China National Petroleum Corporation – CNPC), Китайская нефтехимическая корпорация (Sinopec) и Китайская национальная корпорация по добыче нефти на шельфе (China National Offshore Oil Corporation – CNOOC). Эти государственные корпорации не только контролируют почти всю добычу нефти и газа

на территории КНР, но и участвуют в добыче и разработке энергоресурсов в других государствах. Из вышеперечисленных корпораций наиболее активную деятельность в странах Центральной Азии ведет Китайская национальная нефтегазовая корпорация.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Переходя к рассмотрению конкретных аспектов практического энергетического сотрудничества, следует отметить, что Китай делает упор как на развитие двусторонних связей со странами региона, так и на развитие сотрудничества в рамках многосторонних региональных структур (в частности, ШОС). В целом, энергетическое сотрудничество со странами региона носит многоплановый характер и развивается по целому ряду направлений, таких, как совместная разработка месторождений; строительство трубопроводов; строительство электростанций; инвестирование Китаем в соответствующие отрасли промышленности стран Центральной Азии (в том числе и помощь в модернизации энергетических мощностей); предоставление китайской стороной льготных кредитов, а также технологий и оборудования, необходимых для ведения разработки и эксплуатации месторождений углеводородов и ряд других. При этом, на современном этапе Китай делает упор на два аспекта, а именно на строительстве нефте- и газопроводов, связывающих месторождения в странах Центральной Азии с западными районами КНР, и на получении прав на разработку месторождений углеводородов китайскими компаниями. Что же касается развития энергетического сотрудничества на двустороннем уровне, то китайское руководство основной упор делает на развитие отношений с обладающими богатыми запасами энергоресурсов Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном, причем геополитически наиболее значимым энергетическим партнером Китая в Центральной Азии является Казахстан¹⁰. В то

¹⁰ Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / под руковод. и с предисл. А.В. Торкунова, научн. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.:

же время уровень энергетического взаимодействия с Кыргызстаном и Таджикистаном намного ниже в силу ряда объективных причин (в частности, отсутствия значительных запасов нефти и газа).

КНР И КАЗАХСТАН

В энергетической стратегии КНР в отношении центральноазиатского региона в целом и энергетическом сотрудничестве с отдельными странами региона особенно выделяется Казахстан. По целому ряду параметров (географическое положение, ресурсный потенциал, динамика экономического развития, численность населения) Казахстан превосходит прочие центральноазиатские государства, и поэтому в глазах Китая углубление отношений именно с Казахстаном обладает существенным потенциалом и имеет стратегическое значение. На данный момент две страны ведут динамичное сотрудничество по довольно широкому спектру вопросов. В частности, стороны активно сотрудничают в решении проблем в области безопасности (борьба с деятельностью в Казахстане синьцзянских сепаратистов; развитие военного сотрудничества; проведение совместных военных учений в рамках РАТС ШОС и пр.) и политики (координация позиций по ключевым международным вопросам, урегулирование приграничных проблем и пр.). Однако самой приоритетной сферой двустороннего сотрудничества является экономика. Среди стран Центральной Азии Казахстан является ведущим торговым партнером Китая: объем торговли между двумя странами достиг 23,981 млрд долл. Доля Китая во общем товарообороте Казахстана составляет около 18% (17,86% экспорта и 18,39% импорта)¹¹. Помимо торговли стороны активно развивают приграничное сотрудничество, сотрудни-

чество в области строительства, развивается также межбанковское и инвестиционное сотрудничество (общий объем инвестиций КНР в Казахстане в 2012 г. составил 14 млрд долл., причем из них 12 млрд долл. приходилось на энергетический сектор¹²).

Ключевым аспектом экономического сотрудничества Китая и Казахстана является сотрудничество в области энергетики. Более того, страны являются стратегическими энергетическими партнерами, что объясняется рядом факторов. Во-первых, из всех стран Центральной Азии Казахстан обладает наибольшим экономическим потенциалом и наиболее стабильной экономической и внутривластной ситуацией. Во-вторых, важным фактором является непосредственная географическая близость двух стран и наличие протяженной общей границы, что существенно облегчает транспортировку энергоресурсов и снижает риски, связанные с транзитом энергоресурсов через третьи страны. В-третьих, стимулирует двустороннее энергетическое сотрудничество взаимодополняемость в сфере энергетики между Казахстаном и Синьцзян-Уйгурским автономным районом, который является одним из крупнейших регионов-производителей нефти и газа в КНР. Казахстан также является крупнейшим поставщиком нефти в КНР в центральноазиатском регионе, на него приходится примерно 4,42% всей импортируемой Китаем нефти¹³.

Далее хотелось бы рассмотреть основные энергетические проекты Китая и Казахстана. Одним из первых подобных проектов было строительство нефтепровода протяженностью 3 тыс. км, соединяющего Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая и каспийское побережье Казахстана.

МГИМО, 2007. – С. 683–684. [Energeticheskie izmereniia mezhdunarodnykh otnoshenii i bezopasnosti v Vostochnoi Azii / pod rukovod. i s predisl. A.V. Torkunova, nauchn. red.-sost. A.D. Voskresenskii. - M.: MGIMO, 2007. - S. 683-684].

¹¹ Kazakhstan: Trade Statistics / Global Insights // GlobalEDGE. Michigan State University. – Mode of access: <http://globalede.msu.edu/countries/kazakhstan/tradestat>.

¹² Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 9. [Larin A.G. Kitaiskaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - S. 9].

¹³ Zhou Peng. China's Energy Import Dependency: Status and Strategies / P. Zhou // College of Economics and Management & Research Center for Soft Energy Science. – Nanjing, China, 2011. – P. 18.

Соглашение о строительстве данного нефтепровода было заключено в 1997 г. Общая стоимость проекта составляла 9,5 млрд. долл. В 2004 г. было завершено строительство первого участка на западе Казахстана; в 2006 г. был введен в эксплуатацию второй участок, который проходил от каспийского побережья через центральные регионы Казахстана и заканчивался в Китае; а в 2009 г. начал функционировать третий участок, который соединил первые два участка трубопровода.

Ключевым двусторонним энергетическим проектом можно считать нефтепровод Атасу-Алашанькоу, пропускная мощность которого составляет 20 млн тонн нефти в год¹⁴. Соглашение о строительстве этого нефтепровода было подписано в 1997 г., однако реализация проекта началась лишь в 2001 г. Первый участок нефтепровода (Атырау – Кенкияк) был введен в эксплуатацию в 2003 г. В 2004 г. было завершено строительство второго участка Атасу – Алашанькоу, а в 2009 г. был введен в эксплуатацию третий участок – Кенкияк – Кумколь – Атасу, который соединил первые два участка и там самым соединил месторождения в западной части Казахстана с китайский нефтеперерабатывающим заводом «Душаньцзы». Владелец нефтепровода является совместное предприятие «Казахстанско-китайский трубопровод», акциями которой владеют CNPC и «КазМунайГаз».

Еще одним значимым энергетическим проектом является участие Казахстана в изначально двустороннем проекте Туркменистана и Китая газопроводе «Центральная Азия – Китай». Участие Казахстана в данном проекте было согласовано в 2007 г., тогда же было заключено соглашение о строительстве казахского «ответвления» от газопровода Центральной Азии в Китай. Реализация данного проекта была завершена в 2010 г., и в настоящий момент Казахстан по этому газопроводу экспортирует в Китай до 10 млрд. кубометров газа в год, а также обеспечивает газом свои южные регионы.

¹⁴ Нефтепровод Казахстан-Китай // Официальный сайт компании АО НК «КазМунай-Газ». – Режим доступа: http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/kazakhstan_china/.

Важным аспектом энергетического сотрудничества КНР и Казахстана является участие китайского капитала в разработке ряда месторождений на территории Казахстана, в частности Узгенского нефтяного месторождения, нефтегазового месторождения Узень, нефтяного месторождения Кенкияк, нефтяного месторождения Жанажол, нефтегазового месторождения Северные Бузачи. Китайские компании также владеют правом на разведку блоков Адайский, Атырауский, Бегайдар Восточно-Прикаспийский, Кольжан, Сазанкурк и Федоровский¹⁵.

Китайская сторона также владеет значительной частью акций крупных нефтедобывающих компаний, что позволяет ей фактически контролировать значительную часть энергетического сектора Казахстана. К примеру, Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) полностью контролирует компанию «Актобемунгаз», которая является второй в Казахстане по объемам добычи нефти. CNPC также владеет 50% акций компании «Мангистаумунгаз» и контрольным пакетом акций компании «PetroKazakhstan», а компания CNODC в том же году стала единственным акционером крупной нефтегазовой компании «Ай-дан мунай»¹⁶. В 2006 г. китайский фонд CITIS выкупил активы компании «Nations Energy» (обе эти компании ранее были канадскими). Благодаря систематическим действиям по установлению контроля над ключевыми нефтегазовыми компаниями Казахстана, к 2008 г. Китай фактически кон-

¹⁵ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 97–98. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – М.: IMEMO RAN, 2009. – S. 97–98].

¹⁶ Каукунов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы / А. Каукунов // Kazenergy. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>. [Kaukenov A. Kazhastansko-kitajskie `ekonomicheskie otnosheniya: mehanizmy i principy / A. Kaukenov // Kazenergy. – 2009. – № 2. – Mode of access: <<http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>>].

тролировал одну пятую часть объема добычи нефти в этой стране Центральной Азии¹⁷.

Несмотря на то, что нефтегазовое сотрудничество является основой энергетического сотрудничества Китая и Казахстана, страны достаточно активно развивают и сотрудничество в области электроэнергетики и атомной энергетики. Китайские компании China National Nuclear Corp. (CNNC) и China Guangdong Nuclear Power Corp. (CGNPC) участвуют в разработке трех урановых месторождений на территории Казахстана – Ирколь, Семизбай и Жалпак. В обмен на право китайских компаний участвовать в разработке этих месторождений, Казахстан получил право инвестировать в атомную энергетику КНР, а казахская компания «Казатомпром» получила право участвовать в строительстве АЭС на территории Китая¹⁸. Согласно договоренностям между двумя странами, уран из этих месторождений вывозится в КНР, где проходит его обогащение, и затем возвращается в Казахстан, где казахский Ульбинский металлургический завод производит урановые таблетки, используемые в атомных реакторах¹⁹. К тому же, в 2007 г. стороны заключили соглашение о расширении и углублении стратегического сотрудничества в области изготовления ядерного топлива для китайских АЭС, а также ресурсного снабжения атомной энергетики Китая²⁰. По условиям

данного соглашения Казахстан фактически является основным поставщиком ядерного топлива для китайской компании CGNPC.

Подводя итоги, можно констатировать, что энергетическое сотрудничество Казахстана и Китая носит стратегический характер и развивается по многим направлениям. Активное развитие различных аспектов энергетического сотрудничества (нефтегазового, электроэнергетического, атомного и др.) демонстрирует высокую заинтересованность сторон в дальнейшем углублении сотрудничества, которое имеет существенные выгоды для обеих сторон, в частности КНР получает нефть и газ на выгодных для себя условиях, а Казахстан получает возможность привлекать большие объемы китайского капитала для развития своей экономики. Поэтому в среднесрочной перспективе, скорее всего, будет сохраняться имеющаяся тенденция, а именно все более динамичное развитие двустороннего сотрудничества в области энергетики и дальнейшее закрепление Китая на казахском рынке в качестве ключевого экономического и энергетического партнера.

КНР И ТУРКМЕНИСТАН

Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером Китая в регионе, а энергетика является наиболее приоритетной сферой двустороннего экономического сотрудничества. Туркменистан является крупнейшим среди стран Центральной Азии экспортером природного газа в Китай, на него приходится 4,3% всего импортируемого Китаем газа²¹.

Сотрудничество в области энергетики между КНР и Туркменистаном начало раз-

¹⁷ Мальшева Д. Б. Центральная Азия: узел мировой политики / Д. Б. Мальшева. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 54. [Malysheva D. B. Tsentral'noaziatskii uzel mirovoi politiki / D. B. Malysheva. - M.: IMEMO RAN, 2010. - S.54].

¹⁸ Ибрагимова Г. Атомная энергетика в Центральной Азии: есть ли перспективы? / Г. Ибрагимова // Индекс безопасности. – 2010. – № 4 (95). – Том 16. – С. 84–85. [Ibragimova G. Atomnaia energetika v Tsentral'noi Azii: est' li perspektivy? / G. Ibragimova // Indeks bezopasnosti. - 2010. - № 4 (95). - Tom 16. - S. 84-85].

¹⁹ Жуков С. В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С. В. Жуков, О. Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 116. [Zhukov S. V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S. V. Zhukov, O. B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.116].

²⁰ Каукунов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы / А. Каукунов // Kazenergy. – 2009. –

№ 2. – Режим доступа: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.htm>. [Kaukenov A. Kazahstansko-kitaiskie ekonomicheskie otnosheniia: mehanizmy i printsipy / A. Kaukenov // Kazenergy. - 2009. - № 2. - Mode of access: <<http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>>].

²¹ Zhou Peng. China's Energy Import Dependency: Status and Strategies / P. Zhou // College of Economics and Management & Research Center for Soft Energy Science. – Nanjing, China, 2011. – P. 19.

виваться практически сразу же после распада Советского Союза. Одним из первых энергетических проектов был рассматривавшийся в 1990х гг. проект строительства газопровода Туркменистан – Китай – Япония до побережья Тихого океана протяженностью около 8 тыс. км и пропускной способностью около 30 млрд кубометров газа в год. Предполагалось, что данный трубопровод должен стать частью разветвленной сети газопроводов, связывающей Туркменистан, Казахстан и Узбекистан с Китаем, Японией и Южной Кореей²², вернее, он должен был связать туркменское газовое месторождение Даулетабад с восточноазиатскими странами-потребителями через территории Узбекистана и Казахстана. Однако данный проект так и не был реализован, поскольку он был признан слишком затратным, а инвестирование в него не окупалось ни для одной из сторон²³.

Одним из ключевых совместных проектов Китая и Туркменистана в области энергетики является газопровод «Центральная Азия – Китай». Данный газопровод изначально планировался как двусторонний проект КНР и Туркменистана, однако со временем превратился в обширную сеть трубопроводов связывающих Китай с основными производителями природного газа в регионе. Данный газопровод имеет протяженность 1800 км и соединяет газовые месторождения в Туркменистане с СУАР КНР через территории Узбекистана и Казахстана. В 2006 г. было подписано соглашение о строительстве этого трубопровода, само строительство началось в 2007 г., а в 2009 г. трубопровод был введен в эксплуатацию. Работы по проекту финансировались главным

образом китайской стороной за счет предоставления Туркменистану кредитов на несколько миллиардов долларов. Эти кредиты вкладывались в разработку месторождения Южный Иолотань – Осман и в строительство трубопровода, и при этом выплачивались за счет поставок газа. Основной объем работы выполняла CNPC совместно с туркменскими компаниями и компаниями транзитных государств. При этом следует отметить, что соглашение о реализации данного проекта носит стратегический характер, поскольку, с одной стороны, оно подразумевает заключение долгосрочного контракта на закупку природного газа, по которому Китай в течение 30 лет будет импортировать из Туркменистана 30 млрд кубометров газа в год; а с другой стороны, носит и элементы политического партнерства, так как подразумевает оказание Китаем помощи в развитии инфраструктуры и решении разного рода дипломатических вопросов, которые могли возникнуть между Туркменистаном, Казахстаном и Узбекистаном при строительстве газопровода²⁴. В 2010 г. Китай заключил соглашения с Казахстаном и Узбекистаном о соединении газопровода «Центральная Азия – Китай» с энергетическими и трубопроводными системами этих двух стран, и таким образом обеспечил транспортировку через этот газопровод природного газа и из Казахстана и Узбекистана. Объем казахского и узбекского газа, импортируемого по данному газопроводу, достигает 10 млрд кубометров в год. К тому же, существуют и проекты по расширению сети газопровода «Центральная Азия – Китай». В частности, к концу 2015 г. планируется увеличить объем поставляемого по газопроводу природного газа до 60 млрд кубометров в год. Также планируется строительство четырех «ответвлений» от основного газопровода: через территории Туркменистана, Казахстана, Узбекистана; через северные части Тад-

²² Центральная Азия в системе международных отношений: сб. науч. статей / Ин-т востоковедения РАН; РАЕН. – Москва, 2004. – С. 92. [Tsentrāl'naiia Aziia v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii: sb. nauch. statei / In-t vostokovedeniia RAN; RAEN. – Moskva, 2004. – S.92].

²³ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 108. [Zhukov S.V. Tsentrāl'naiia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiakh globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – M.: IMEMO RAN, 2009. – S.108].

²⁴ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / А. Петерсен, К. Барыш; Центр европейских реформ; Московский Центр Карнеги. – М., 2012. – С. 58. [Petersen A. Rossiia, Kitai i energeticheskaiia geopolitika v Tsentrāl'noi Azii / A. Petersen, K. Barysh; Tsentr evropeiskih reform; Moskovskii Tsentr Karnegi. – M., 2012. – S.58].

жикистана и Афганистана; через Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан; и через территорию самого Туркменистана до Каспийского моря²⁵.

Помимо реализации крупных совместных проектов, двустороннее энергетическое сотрудничество подразумевает участие китайского капитала в разработке и эксплуатации туркменских нефтегазовых месторождений. В этом отношении следует подчеркнуть, что Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) фактически является единственной иностранной компанией, которая обладает правом разрабатывать газовые ресурсы Туркменистана, не относящиеся к шельфовым месторождениям, после того, как в 2007 г. КНР и Туркменистан подписали Соглашение о разделе продукции нескольких газовых месторождений Багтыярлык. CNPC также участвует в разработке нефтегазового месторождения Котурдепе и газового месторождения Гунорта Йолотень²⁶.

Важным аспектом двустороннего энергетического сотрудничества является и инвестирование КНР в развитие энергетического сектора Туркменистана, а также предоставление Китаем довольно выгодных кредитов, нацеленных на развитие необходимой инфраструктуры, разработку месторождений, модернизацию соответствующих технологий и т.п. Если же говорить о конкретных примерах инвестиционного сотрудничества, то можно назвать следующие крупные китайские финансовые вложения. В 2003 г. Китай предоставил Туркменистану беспроцентный кредит в размере 3,6 млн долл. со сроком погашения 20 лет. В 2005 г. Китай предоставил Туркменистану кредит на схожих условиях в размере 24 млн долл. В 2007 г., после подписания соглашения о строительстве газопровода «Центральная Азия – Китай», КНР предоставила Туркменистану льготный кре-

дит на закупку необходимого оборудования (буровых установок и пр.), а в 2009 г. – кредит в размере 4 млрд долл. для разработки газового месторождения Южный Иолотань. В 2011 г. Государственный банк развития Китая предоставил туркменской компании «Туркменгаз» еще один кредит сроком на 10 лет в размере 4,1 млрд долл. Следует также отметить, что с 1998 г. Китай инвестирует средства в модернизацию нефтедобывающей промышленности Туркменистана. Инвестиции в основном имеют форму связанных кредитов, за счет которых КНР поставляет буровое и подъемное нефтяное оборудование²⁷.

В целом, можно судить, что энергетическое сотрудничество с Туркменистаном носит разносторонний и многоплановый характер и имеет стратегическое значение для КНР. Туркменистан является вторым ключевым энергетическим партнером КНР в регионе Центральной Азии, и крупнейшим поставщиком природного газа на китайский рынок. Более того, Китай превращается в ключевого энергетического партнера Туркменистана, постепенно оттесняя двух других крупных партнеров страны – Россию и Иран, что все больше укрепляет экономические (а через них и политические) позиции КНР в этой стране. Более того, среди экспертов существует мнение, что Китай столь стремительно укрепляет свои позиции в туркменской экономике, что в краткосрочной перспективе Туркменистан может сменить полную зависимость от российского рынка сбыта на преобладающую зависимость от китайского рынка²⁸.

²⁵ Petersen, Alexandros. Central Asia's New Energy Giant: China / A. Petersen // China In Central Asia. – 2013. – Mode of access: <http://chinaincentralasia.com/2013/06/29/central-asias-new-energy-giant-china/>.

²⁶ 中国石油在土库曼斯坦 [CNPC в Туркменистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – Режим доступа: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml.

²⁷ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМОРАН, 2009. – С.104. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.104].

²⁸ Петерсен А. Россия, Китай и энергетическая геополитика в Центральной Азии / А. Петерсен, К. Барыш; Центр европейских реформ; Московский Центр Карнеги. – М., 2012. – С.10. [Petersen A. Rossiia, Kitai i energeticheskaiia geopolitika v Tsentral'noi Azii / A. Petersen, K. Barysh; Tsentr evropeiskih reform; Moskovskii Tsentr Karnegi. - M., 2012. - S.10].

КНР И УЗБЕКИСТАН

Что касается Узбекистана, то в отношении этой центральноазиатской республики Китай занимает несколько двойственные позиции. С одной стороны, в политике КНР в отношении Узбекистана можно наблюдать некоторое «дистанцирование», проявляющееся в большей осторожности при реализации совместных проектов. Такая позиция связана с рядом внешнеполитических установок Узбекистана, таких как напряженные отношения Узбекистана с Россией и рядом региональных интеграционных группировок, в которых Россия играет ключевую роль (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), а также его нежелание активно участвовать в поддерживаемых Россией региональных инициативах (как например Таможенный союз). К факторам, осложняющим китайско-узбекское сотрудничество, можно также отнести претензии Узбекистана своего рода региональное лидерство, непростые отношения Узбекистана с соседним Таджикистаном, что во многом обусловлено поддерживаемой узбекским руководством концепцией «Большого Узбекистана» (подразумевающей создание государственного образования узбекского народа, которое сплотило бы и другие народы постсоветских стран на основе исламских ценностей). Наряду с этой «альтернативной концепцией государственности», которой придерживается правящая элита в Узбекистане, существенно осложняет отношения КНР с этой страной Центральной Азии также исламский фактор. С одной стороны, беспокойство Китая вызывает активная исламизация Узбекистана; с другой стороны, все большую проблему представляет распространение в этой стране радикального ислама и активизация исламистских группировок, которые поддерживают идею создания «Восточного Туркестана». Эти тенденции могут отрицательно сказаться на ситуации в области безопасности и на политической стабильности в СУАР КНР. Все вышеперечисленные факторы способствуют осложнению обстановки в регионе и созданию проблем в области безопасности, что как бы «отталкивает» Китай и вынуждает его проводить более осторожную политику в отношении Узбекистана. Однако

существует и ряд факторов, которые положительно действуют на развитие китайско-узбекских отношений, в частности реальная угроза исламского экстремизма, в борьбе с которой странам приходится сотрудничать, наличие в Узбекистане населения, имеющего общие корни с народами Синьцзяна²⁹, а также большой потенциал для двустороннего экономического сотрудничества.

Как раз большие возможности для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества, вместе немалым экономическим потенциалом Узбекистана и значительными запасами углеводородов в этой стране, и предопределили стремление Китая к налаживанию конструктивных отношений с Узбекистаном и к укреплению своих позиций на узбекском рынке.

Как и в случае с другими странами Центральной Азии, обладающими богатыми запасами углеводородов, в экономических отношениях с Узбекистаном Китай основной упор делает на развитие сотрудничества в области энергетики. Несмотря на то, что Узбекистан обладает меньшим энергетическим потенциалом, чем Казахстан или Туркменистан, энергетическое сотрудничество с КНР развивается активно и по многим направлениям.

Одной из главных сфер двустороннего энергетического сотрудничества является совместная разработка газовых и нефтяных месторождений на территории Узбекистана. В целом можно сказать, что сотрудничество по разработке месторождений ведется по двум направлениям. С одной стороны, оно подразумевает доработку «тяжелых» месторождений с низкой отдачей, на которых длительное время велась разработка ресурсов. Примером такого сотрудничества является совместная разработка небольших «старых» нефтяных месторождений в Ферганской до-

²⁹ Китай в мировой политике / редкол.: А.В. Торкунов (отв. ред.), А.Ю. Мельвиль, М.М. Наринский; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; вступ. ст. А.В. Торкунова; МГИМО(У) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 330. [Kitai v mirovoi politike / redkol.: A.V. Torkunov (otv. red.), A.Iu. Mel'vil', M.M. Narinskii; отв. red.-sost. A.D. Voskresenskii; vstup. st. A.V. Torkunova; MGIMO(U) MID Rossii. - M.: ROSSPEN, 2001. - S. 330].

лине (в Ферганской, Наманганской и Андижанской областях). С другой стороны, страны ведут совместную разработку месторождений со сложными геологическими условиями. При таком виде разработки узбекские компании перенимают технологии, оборудование и опыт работы с подобными месторождениями от китайских корпораций. В качестве примера такого сотрудничества можно назвать разработку 23 нефтяных месторождений Бухарско-Хивинском районе и на Усть-Юртском плато³⁰. Также можно привести и другие примеры прямого участия китайского капитала в разработке узбекских нефтегазовых ресурсов. В частности, в 2004 г. китайская компания «Ту-На» получила право на восстановление и разработку крупного газового месторождения Газли, а Китайская корпорация нефтяных технологий и развития (China Petroleum Technology & Development Corporation – CPTDC) в первой половине 2000-х гг. вложила около 70 млн долл. в модернизацию 10 нефтяных буровых платформ на территории Узбекистана. Китайские компании также участвуют в разработке нефтяного месторождения Мингбулак в Наманганской области. К тому же, китайские компании в настоящее время ведут работы по освоению нефтегазовых месторождений на северо-западе Узбекистана, на шельфе Аральского моря. При этом, работы на узбекском шельфе Аральского моря ведутся китайскими компаниями с 2006 г. в составе международного консорциума, в который помимо CNPC, вошли также узбекская компания «Узбекнефтегаз», российская компания «Лукойл», южнокорейская Национальная нефтяная корпорация и малайская компания «Petronas»³¹.

³⁰ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 103–104. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 103–104].

³¹ 对中亚三国油气合作现状及分析 [Нынешнее состояние и анализ нефтегазового сотрудничества с тремя странами Центральной Азии] / 王越、王楠、张静 [Ван Юэ, Ван Нань, Чжан Цзин] // 中亚研究网 [Исследовательский портал по Центральной Азии]. – 2009. – Режим доступа: <http://euroasia.cass.cn/news/405653.htm>.

Помимо совместной разработки нефтегазовых месторождений, Китай и Узбекистан имеют и ряд других крупных совместных энергетических проектов. Среди основных можно назвать строительство участка газопровода «Центральная Азия – Китай», который проходит по территории Узбекистана, и поставки Узбекистаном газа в Китай по этому трубопроводу. Соглашение по подключению Узбекистана к изначально китайско-туркменскому проекту газопровода было подписано в 2010 г. Китайский капитал также участвует в строительстве установки по производству сжиженного газа на Мубарекском газоперерабатывающем заводе, расположенном в г. Мубарек (Кашкадарьинская область)³².

Важную роль для стимулирования развития энергетического сотрудничества двух стран играет инвестиционное сотрудничество. Инвестиционное сотрудничество в основном имеет форму предоставления Китаем целевых кредитов, которые используются для получения китайских товаров и услуг. Сотрудничество в таком формате осуществляется преимущественно на основе двух соглашений: Рамочного соглашения между CNPC и компанией «Узбекнефтегаз» о развитии сотрудничества от 2004 г. и Соглашения между Экспортно-импортным банком Китая и Национальным банком Узбекистана внешнеэкономической деятельности от 2005 г. Второе соглашение имеет ключевое значение для продвижения китайских инвестиций в нефтегазовый сектор, поскольку его действие распространяется на многие отрасли экономики Узбекистана, в том числе и на энергетическую³³. Объем инвестиций КНР в экономику Узбекистана в 2012 г. составил более 4 млрд. долл., причем основная

³² 中国石油在乌兹别克斯坦 [CNPC в Узбекистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – Режим доступа: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Uzbekistan/country_index.shtml.

³³ Адясов И. Россия – Китай: анализ ошибок Центральной Азии / И. Адясов // OSTKRAFT – Восточное агентство. – 13.03.2015. – Режим доступа: <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>. [Adiasov I. Rossiia - Kitai: analiz oshibok Tsentral'noi Azii / I. Adiasov // OSTKRAFT - Vostochnoe agentstvo. - 13.03.2015. - Mode of access: <<http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>>].

часть этих средств (более 50%) была вложена в ТЭК и разработку месторождений природных ресурсов.

Таким образом, можно наблюдать тенденцию к активному развитию и углублению сотрудничества в области энергетики между КНР и Узбекистаном. Более того, сотрудничество будет лишь углубляться, а позиции Китая в экономике Узбекистана вместе с его политическим влиянием будут укрепляться. Об этом свидетельствует тот факт, что на современном этапе основной объем экспортируемого Узбекистаном газа ориентирован на китайский рынок, а сам Китай превращается в основного энергетического партнера этой центральноазиатской страны. Однако существует и иная точка зрения, заключающаяся в том, что в отношениях между КНР и Узбекистаном достаточно много проблем, и уровень напряженности и недоверия существенно выше, чем в случае других стран Центральной Азии, и это, в свою очередь, в будущем будет препятствовать более активному развитию сотрудничества в энергетической сфере.

КНР И КЫРГЫЗСТАН

В отношениях Китая и Кыргызстана энергетическое сотрудничество не играет центральной роли. С одной стороны, еще с первой половины 1990-х гг. вопросы безопасности, и в особенности борьбы с исламским радикализмом и экстремизмом, занимали центральное место в отношениях двух государств. Несмотря на существенное изменение геополитической обстановки в регионе за последние 25 лет, вопросы безопасности, борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом, борьба с трансграничной преступностью и наркотрафиком по-прежнему имеют приоритетное значение³⁴ в повестке дня КНР в отношении Киргизии. С другой стороны, второстепенное значение энергетического сотрудничества в двусторонних отношениях обусловлено до-

вольно скудными природными ресурсами Киргизии, которая, в отличие от Казахстана или Туркменистана, не является одним из крупных экспортеров энергоресурсов в регионе. В Кыргызстане ведется добыча углеводородов, однако годовые объемы добычи нефти не превышают 100 тыс. тонн³⁵, что не представляет серьезного интереса для Китая и объективно не способствует развитию энергетического сотрудничества.

Тем не менее, нельзя утверждать, что Кыргызстан не представляет серьезного экономического интереса для Китая. С начала 2000-х активно развивается торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами. Более того, Китай является крупнейшим торговым партнером Кыргызстана, который импортирует из КНР широкий ассортимент промышленной и иной продукции. Торговля, являясь основой экономических отношений двух стран, выгодна как КНР, так и Киргизии, поскольку для Китая Киргизия является одним из основных рынков сбыта для китайской продукции, а Киргизия получает достаточно большую прибыль за счет реэкспорта дешевой китайской продукции в другие страны Центральной Азии. Важным аспектом экономического сотрудничества двух стран является и приграничная торговля, а именно развитие торговли между Кыргызстаном и Синьцзян-Уйгурским автономным районом (товарооборот с СУАР составляет 80% всего объема двусторонних торговых отношений³⁶).

Несмотря на то, что энергетика не является краеугольным камнем отношений Китая и Кыргызстана, энергетическое сотрудничество имеет место, в том числе и в нефтегазовой сфере. В частности, в 2002 г. Китай и Кыргызстан подписали соглашение о сотруд-

³⁴ Центральная Азия в системе международных отношений: сб. науч. статей / Ин-т востоковедения РАН; РАН. – Москва, 2004. – с. 86. [Tsentrāl'naia Aziia v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenii: sb. nauch. statei / In-t vostokovedeniia RAN; RAEN. – Moskva, 2004. – S. 86].

³⁵ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 102. [Zhukov S.V. Tsentrāl'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. – M.: IMEMO RAN, 2009. – S.102].

³⁶ Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики / Д.Б. Малышева. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 55. [Malysheva D.B. Tsentrāl'noaziatskii uzel mirovoi politiki / D.B. Malysheva. – M.: IMEMO RAN, 2010. – S.55].

ничестве по разработке нефтегазовых месторождений, расположенных в южной части Кыргызстана. К тому же, в 2014 г. китайская сторона получила право на участие в разработке месторождений Майлуу-Суу 4, Восточный Избаскент, Чангыр-Таш и Чыйырчык. К тому же, Китай активно участвует в строительстве газопровода «Кыргызстан – Китай», который фактически является ответвлением газопровода «Центральная Азия – Китай» (т.н. «четвертой веткой» газопровода, которая должна пролегать по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Кыргызстан – Китай). Общая протяженность этого участка газопровода составит 215 км, а его пропускная способность – около 30 млрд кубометров газа в год³⁷. Соглашение о строительстве газопровода «Кыргызстан – Китай» было подписано в 2013 г., и ожидается, что строительство начнется в конце 2015 г. В реализацию этого проекта Китай уже вложил около 1,4 млрд долл.

Несмотря на низкий уровень сотрудничества в нефтегазовой области, Кыргызстан обладает богатыми гидроресурсами, что создает возможности для развития сотрудничества в области гидроэнергетики, строительства ГЭС и производства электроэнергии. Фактически, сотрудничество в области производства и транспортировки электроэнергии является ключевым аспектом энергетического сотрудничества КНР и Кыргызстана. Сотрудничество в данной области имеет большое значение для Китая, поскольку быстро растущая китайская экономика сталкивается не только с нехваткой непосредственно энергоресурсов, но и электроэнергии, что создает проблему для развития промышленности в западных районах КНР. Для решения этой проблемы помимо увеличения импорта энергоресурсов и строительства новых электростанций, Китай налаживает сотрудничество в об-

ласти транспортировки электроэнергии из государств, которые не сталкиваются с проблемой нехватки электроэнергии. В данном контексте большой упор делается на импорт электроэнергии из соседних государств, в том числе и из Киргизии. С 2004 г. Кыргызстан экспортирует электроэнергию в Китай через пограничные пункты Торугарт и Иркештам по линиям электропередач. Объем поставок электроэнергии составляют около 1 млн кВт/час в год.

К тому же, Китай и Кыргызстан ведут сотрудничество в области строительства новых электростанций. В частности, в 2006 г. стороны подписали Протокол о намерениях по долгосрочному сотрудничеству между Государственной электросетевой компанией Китая и киргизскими компаниями ОАО «Электрические станции» и ОАО «Национальные электрические сети Кыргызстана». Этот документ подразумевает сотрудничество в сфере строительства и реконструкции электросетей и электростанций³⁸.

Немаловажную роль для стимулирования развития сотрудничества в области энергетики играют китайские инвестиции и кредиты. В частности, в 2013 г. объем предоставленных Китаем кредитов превысил 3 млрд долл.³⁹, причем большая часть этих кредитов шла на реализацию энергетических и инфраструктурных проектов. Основная часть китайских инвестиций в энергетический комплекс Кыргызстана была вложена в реализацию проекта строительства газопровода «Кыргызстан – Китай», о чем уже говорилось ранее.

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на слабую ресурсную базу Кыргызстана и достаточно низкий уровень энергетического сотрудничества (по сравнению с другими странами Центральной Азии) на

³⁷ Лазуткина М.В Киргизии благодаря КНР будет построен самый длинный и современный газопровод // News Asia – Центральноазиатский информационный портал. 05.02.2015. – Режим доступа: <http://www.news-asia.ru/view/ch/7899>. [Lazutkina M.V Kirgizii blagodaria KNR budet postroen samyi dlinnyi i sovremennyy gazoprovod // News Asia - Tsentral'noaziatskii informatsionnyi portal. 05.02.2015. - Mode of access: <<http://www.news-asia.ru/view/ch/7899>>].

³⁸ 中国将从周边国家引进电力 [Китай будет импортировать электроэнергию из сопредельных государств] / 安倍 [Ань Бэй] // 新浪 [Информационный портал «Sina»]. – 15.06.2006. – Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn/chanjing/b/20060615/20412655203.shtml>.

³⁹ Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 9. [Larin A.G. Kitaiskaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - S. 9].

современном этапе, существует основа для дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в области энергетики. Более того, сотрудничество в этой области имеет довольно широкие перспективы для дальнейшего развития, и в среднесрочной перспективе будет наблюдаться активизация деятельности КНР в энергетическом секторе Кыргызстана. Для самого Кыргызстана дальнейшее развитие энергетического сотрудничества с Китаем будет приносить существенные дивиденды, поскольку будет способствовать притоку китайских инвестиций в перспективные секторы кыргызской экономики, создаст возможность получить от КНР соответствующие технологии и будет стимулировать развитие таких отраслей, как гидроэнергетика и электроэнергетика.

КНР И ТАДЖИКИСТАН

На современном этапе довольно трудно говорить о развитии энергетического сотрудничества между Китаем и Таджикистаном, поскольку Таджикистан практически не обладает собственными энергоресурсами и сотрудничество в области энергетики не имеет большого потенциала для развития. Это, разумеется, не означает, что Китай не заинтересован в развитии экономических связей с этой центральноазиатской республикой. Подтверждением тому является активное развитие двустороннего экономического сотрудничества по целому ряду других направлений, таких как торговля, транспорт, коммуникации, строительство объектов инфраструктуры, разработка месторождений минеральных ресурсов и пр.

Тем не менее, следует отметить, что существенные перспективы имеет сотрудничество в области электроэнергетики между КНР и Таджикистаном. Уже на современном этапе Китай участвует в реализации ряда совместных проектов в области гидроэнергетики в Таджикистане. Примером этого сотрудничества может служить участие китайской компании «Sinohydro» в строительстве Зеравшанской ГЭС на р. Зеравшан, в северных районах Таджикистана (соглашение между сторонами о строительстве Зеравшанской ГЭС было подписано в 2007 г.). Мощность Зеравшанской ГЭС должна со-

ставлять 150 МВт, а общая стоимость проекта составляет около 260 млн долл.⁴⁰. К тому же, существенный потенциал имеет развитие сотрудничества КНР с Таджикистаном в области экспорта электроэнергии. Китайской стороной уже рассматривались проекты строительства линий электропередач (мощностью до 500 кВт), по которым бы электроэнергия экспортировалась из Таджикистана в сопредельные районы КНР⁴¹.

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ»

При рассмотрении энергетической стратегии Китая в отношении региона Центральной Азии нельзя не упомянуть об одном из ключевых и наиболее масштабных китайских экономических проектов, непосредственно затрагивающих рассматриваемый регион, а именно о проекте «Экономического пояса Великого шелкового пути». Инициатива создания «Экономического пояса Великого шелкового пути» была впервые выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в ходе его визита в страны Центральной Азии в 2013 г.⁴² На современном этапе этот проект рассматривается как часть концепции «Одного пояса и одного

⁴⁰ Россия и Китай в Центральной Азии: конкуренция или сотрудничество? // Фонд Стратегической Культуры. – 2008. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2008/05/28/8826-8826.html>. [Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: konkurentsia ili sotrudnichestvo? // Fond Strategicheskoi Kul'tury. - 2008. - Mode of access: <<http://www.fondsk.ru/news/2008/05/28/8826-8826.html>>].

⁴¹ Жуков С.В. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации / С.В. Жуков, О.Б. Резникова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – С. 117. [Zhukov S.V. Tsentral'naia Aziia i Kitai: ekonomicheskoe vzaimodeistvie v usloviiah globalizatsii / S.V. Zhukov, O.B. Reznikova. - M.: IMEMO RAN, 2009. - S.117].

⁴²习近平主席访问中亚四国和共建“丝绸之路经济带” [Председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в 4 страны Центральной Азии и объявил о совместном строительстве «Экономического пояса Великого шелкового пути»] / 王晔摄 [Ван Ешэ] // 新华网 [Информационное агентство «Синьхуа»]. – 13.09.2013. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/13/c_117349709.htm.

пути», которая объединяет проекты «Экономического пояса Великого шелкового пути» и «Морского шелкового пути 21 века». Главная идея этого проекта заключается в развитии между странами, участвующими в его реализации, «пяти связующих элементов», а именно политической согласованности, единой инфраструктуры, торговых связей, валютно-финансовых потоков и гуманитарного сотрудничества⁴³. К основным конкретным направлениям создания «Экономического пояса Великого шелкового пути» можно отнести: развитие региональной экономической интеграции при структурирующей роли Китая и максимальном соответствии его национальным интересам; развитие транспортных коммуникаций и создание единой транспортной сети, которая бы фактически соединяла противоположные части евразийского континента (от Тихого океана до Балтийского моря); увеличение объемов торговли и инвестиций; упразднение торговых барьеров; переход на расчеты в национальных валютах и др. Немаловажным направлением реализации данного проекта является и развитие сотрудничества в сфере энергетики, подразумевающее в том числе и строительство сети новых трубопроводов между КНР и странами Центральной Азии. В качестве примера уже реализованного энергетического проекта, относящегося к «Экономическому поясу Великого шелкового пути», можно назвать строительство нефтепровода «Казахстан – Китай», общей протяженностью 962 км⁴⁴. Фактически же проект «Экономического пояса Великого

шелкового пути» представляет собой ряд мер, нацеленных на дальнейшую активизацию внешнеэкономической деятельности Китая (вернее «экономическую экспансию») во многих регионах Евразии, в том числе и в Центральной Азии.

Причиной выдвижения подобного проекта является, помимо прочих факторов, и постоянно растущая потребность китайской экономики в импорте энергоресурсов и промышленного сырья, а также необходимость расширения экспорта и связанная с этим необходимость поиска новых рынков сбыта для китайской продукции⁴⁵. Таким образом, реализация проекта «Одного пояса и одного пути», и в частности «Экономического пояса Великого шелкового пути», напрямую затрагивает и страны Центральной Азии, которые, как уже ранее отмечалось, являются с не только важными энергетическими и торговыми партнерами Китая, но и транзитными государствами, через которые осуществляется экспорт китайских товаров в страны Европы. Подтверждением тому является и тот факт, что проект «Одного пояса и одного пути» подразумевает наличие трех маршрутов, два из которых проходят через страны Центральной Азии: первый маршрут пролегает из КНР через Центральную Азию и Россию в Европу; второй маршрут – из КНР в Центральную Азию и Западную Азию. Более того, китайское руководство неоднократно подчеркивало стратегическое значение развития сотрудничества со странами центральноазиатского региона в контексте реализации проектов экономического развития «западных провинций» КНР, и в первую очередь Синьцзян-Уйгурского автономного района. Развитие стран Центральной Азии способствовало бы стабилизации социально-политической обстановки в СУАР и росту его экономического потенциала, а также замедлению темпов распространения радикального ислама в регионе⁴⁶.

⁴³ Ли Хуэй. Один пояс и три маршрута / Х. Ли // 中国风 [Дыхание Китая]. – 2015. – № 64. – С. 26. [Li Hui. Odin poias i tri marshruta / H. Li // 中国风 [Dyhanie Kitaia]. – 2015. – № 64. – С. 26].

⁴⁴ Новый «Шелковый путь» – мощный двигатель торгово-экономического развития государств-членов ШОС // Региональное экономическое сотрудничество Шанхайской организации сотрудничества. – 2015. – Режим доступа: http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=322&a_no=33790 [Novyi «Shelkovyi put'» - moshchnyi dvigatel' torгово-ekonomicheskogo razvitiia gosudarstv-chlenov ShOS // Regional'noe ekonomicheskoe sotrudnichestvo Shanhaiskoi organizatsii sotrudnichestva. - 2015. - Mode of access: <http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?col_no=322&a_no=33790>].

⁴⁵ Ларин А.Г. Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» / А.Г. Ларин, В.А. Матвеев // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №5. – С. 7. [Larin A.G. Kitaikaia strategiiia «prodvizheniia na Zapad» i «novyi Shelkovyi put'» / A.G. Larin, V.A. Matveev // Problemy Dal'nego Vostoka. - 2014. - №5. - С.7].

⁴⁶ Умаров А.А. Стратегические инициативы США и Китая в Центральной Азии / А.А. Умаров //

Таким образом, реализация проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» может принести Китаю огромные экономические и геополитические дивиденды. К таковым можно отнести дальнейшее расширение экономического и политического влияния Китая в соседних регионах (включая и Центральную Азию); создание стабильных маршрутов поставок как для экспортируемой китайской продукции, так и для импортируемых в Китай товаров (в том числе и энергоносителей); увеличение китайского экспорта в страны Азии и Европы; увеличение объемов инвестиционного сотрудничества; развитие инфраструктуры в западных провинциях КНР и др. К тому же отмечается, что реализация проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» будет способствовать дальнейшей диверсификации поставок энергоносителей в Китай⁴⁷. К тому же, включение огромной центральноазиатской зоны в сферу, прежде всего, экономического, а затем и военно-политического влияния Китая, наряду с китайским экономическим фактором, включая экономические аспекты энергетического сотрудничества, будут играть ключевую роль в регионе Центральной Азии и выступать инструментом обеспечения геополитических интересов Китая.

* * *

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии активно развивается и носит многоплановый характер. Более того, существуют значительные положительные перспективы дальнейшего развития энергетического со-

трудничества. В частности, в среднесрочной перспективе КНР продолжит укреплять свои экономические и политические позиции в Центральной Азии, что приведет к дальнейшему росту зависимости центральноазиатских экономик от Китая. Эти факторы делают энергетическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии все более выгодным для китайской стороны. Кроме того, в последующие годы будет наблюдаться развитие и новых сфер энергетического сотрудничества между сторонами, таких как гидроэнергетика (с Кыргызстаном), атомная энергетика (с Узбекистаном и Казахстаном), электроэнергетика (с Кыргызстаном и Таджикистаном) и др.

При этом, несмотря на наличие положительных прогнозов и активное развитие сотрудничества на современном этапе, сохраняется и ряд негативных факторов, которые способны препятствовать активному развитию сотрудничества в области энергетики в регионе. К таковым можно отнести постепенный рост «анти-китайских» настроений в странах Центральной Азии; политическую нестабильность многих стран региона и их сложные отношения между собой; проблемы региональной безопасности; усиление влияния некоторых внешних игроков в регионе (таких как Россия, США, Иран, в меньшей степени – Турция, ЕС, Индия, некоторые арабские страны). Эти негативные тенденции в различной степени способны представлять угрозу для китайских интересов и его экономических позиций в Центральной Азии, а также для развития выгодного КНР энергетического сотрудничества со странами региона.

Сравнительная политика. – 2015. – № 1(18). – С. 134–135. [Umarov A.A. Strategicheskie initsiativy SShA i Kitaia v Tsentral'noi Azii / A.A. Umarov // Sravnitel'naia politika. - 2015. - № 1(18). - S. 134-135].

⁴⁷ Полурос Т. Россия вступила на Шелковый путь. В 2015 году будет разработан подробный стратегический план создания Экономического пояса шелкового пути / Т. Полурос // 中国风 [Дыхание Китая]. – 2015. – № 64. – С. 31. [Poluros T. Rossiia vstupila na Shelkovyi put'. V 2015 godu budet razrabotan podrobnyi strategicheskii plan sozdaniia Ekonomicheskogo poiasa shelkovogo puti / T. Poluros // 中国风 [Dyhanie Kitaia]. - 2015. - № 64. - S. 31].

Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии

Мина Поштитч, выпускница магистратуры «Зарубежное регионоведение», МГИМО (У) МИД России.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу влияния энергетического фактора на формулирование политической и экономической стратегии Китая в отношении региона Центральной Азии. Исходя из этого, в данной статье подробно рассматривается энергетическая стратегия Китая в отношении данного региона, а именно ее ключевые принципы, задачи, цели и механизмы. Помимо этого в статье рассматриваются конкретные направления энергетического сотрудничества между КНР и пятью государствами Центральной Азии, как и наиболее значимые и крупные совместные энергетические проекты. Отдельное внимание уделяется проекту «Экономического пояса Великого шелкового пути» как одному из ключевых и наиболее масштабных китайских экономических проектов, который имеет непосредственное отношение к развитию сотрудничества в области энергетики в регионе. Автор также предлагает анализ перспектив и возможных проблем дальнейшего развития энергетического сотрудничества между Китаем и странами региона.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, энергетическое сотрудничество, энергетическая безопасность, международные отношения, «Экономический пояс Великого шелкового пути».

Comparative Analysis of China's Energy Strategy in Central Asian States

Mina Poshtich, MA in World Regional Studies, MGIMO University graduate.

Abstract: The article addresses the influence of the energy factor on formulating China's political and economic strategy towards Central Asia. Therefore, the article provides the profound analysis of the PRC energy strategy in the region, namely its principles, goals, objectives and mechanisms. The article also examines the key areas of energy cooperation between China and the five Central Asian states, as well as the major joint energy projects. Moreover, the article takes a close look at the Silk Road Economic Belt as one of the largest and most ambitious Chinese economic projects, for it is directly relevant to the development of energy cooperation in the region. The author also analyses the prospects as well as possible problems of further energy cooperation between China and Central Asian states.

Key words: China, Central Asia, energy cooperation, energy security, international relations, the Silk Road Economic Belt.